

— Мой журавлик слегка озорничает, прошу прощения, не судите его строго, — Юнь Юцзы, похоже, тоже заметил неладное. Он с улыбкой дважды погладил белого журавля, а затем посмотрел на Юй Цюнцзю с еще большей теплотой. — Мой журавль всегда сторонился чужаков. Раз уж он к тебе так расположился, значит, ты — чистый душой и добрый юноша. Юй Цюнцзю, знаешь ли ты, ради чего пришел в мою Секту Облачного Дзен?

Юй Цюнцзю склонил голову набок, размышляя:

— Раньше я жил в деревне, обучал детей и тем добывал себе на пропитание. Случайно мне довелось увидеть, как действуют бессмертные, и в сердце моем зародилось стремление к этому пути, вот я и пришел. Но если даосский наставник попросит меня объяснить это более глубоко, боюсь, я не найду подходящих слов.

На лице Юнь Юцзы отразилась радость:

— Этого уже вполне достаточно.

Желающих стать учениками Юнь Юцзы в Секте Облачного Дзен было не счесть. Среди них попадались люди с выдающимися способностями, да и старые друзья нередко опускались до того, чтобы просить его взять в ученики их потомков. Однако Юнь Юцзы слишком часто наблюдал за запутанными распрями в Море Культиваторов: он понимал, что стоит принять в ученики ребенка близкого друга, как в их дружбе неминуемо появятся трещины. Поэтому он всем отказывал и до сих пор не выбрал достойного преемника.

Юй Цюнцзю обладал невероятным талантом. Изначально Юнь Юцзы хотел просто взглянуть на юношу, но не ожидал, что его журавль проявит такую симпатию, да и сам парень оказался человеком исключительных качеств. Не воспользоваться таким даром небес было бы преступлением — такой ученик идеально соответствовал всем его ожиданиям.

— Юй Цюнцзю, желаешь ли ты стать моим учеником? — тихо спросил Юнь Юцзы.

Юй Цюнцзю, не раздумывая, пал ниц и поклонился:

— Учитель, прошу принять мой поклон.

Глупый ребенок, хоть бы для приличия поспрашивал, — подумал Чун Цзэ, наблюдая за церемонией с усмешкой, но вмешиваться не стал. Оглядев всю Секту Облачного Дзен, он пришел к выводу, что лишь Юнь Юцзы сохранил некое величие древних времен и обладает подобающим уровнем культивации — Стадией Превращения Божества, а значит, вполне достоин быть учителем Юй Цюнцзю.

Теперь он мог немного успокоиться и сосредоточиться на борьбе в Великом Море Уша.

— Раз уж ты стал моим учеником, тебе подобает дать даосское имя, — Юнь Юцзы снова посмотрел на своего подопечного, и чем дольше смотрел, тем больше оставался доволен. — Раз

тебя зовут Цюнцзю, пусть твое даосское имя будет Уфэй.

— Уфэй благодарит Учителя за дарованное имя.

Юнь Юцзы долго наставлял юношу, рассказывая о текущем положении дел в секте и о трудностях, с которыми тот может столкнуться. В завершение он достал нефритовую табличку, приложил ее к челу Юй Цюнцзю и передал ему технику культивации.

— Великий Дао бескраен. Желаю тебе, ученик мой Уфэй, избежать невзгод и бед, не бояться козней злодеев, постичь Дао, обрести бессмертие и скитаться в небесах, где душа пожелает.

Весть о том, что Юй Цюнцзю стал первым учеником главы секты, быстро разлетелась по всей Секте Облачного Дзен.

Никто не мог представить, что юноша с таким заурядным прошлым в одночасье взлетит так высоко. Даже если он обладал небесным духовным корнем — что с того? Разве среди тех, кто стремился в ученики к Юнь Юцзы, мало было обладателей небесных корней?

А кто такой Юнь Юцзы?

В Срединном Мире Восьми Нефритов не было того, кто не слышал бы его имени. Даже в Великом Мире Древнего Нефрита он пользовался широкой известностью. В молодости Юнь Юцзы слыл настоящим гением, подавлявшим современников своим блеском. За последние пятьсот лет он стал одним из тех, кто быстрее всех достиг Стадии Превращения Божества, и могущественная секта Сюньчэн в Великом Мире Древнего Нефрита настойчиво зазывала его к себе. Однако после крупной ссоры со своим даосским партнером он в одиночку прибыл в Срединный Мир Восьми Нефритов, принял пост главы Секты Облачного Дзен и пробыл здесь целых триста лет.

И вот теперь Юнь Юцзы, отвергнувший просьбы бесчисленных друзей, принял Юй Цюнцзю, у которого, кроме небесного духовного корня, почти не было достоинств. Разве это не вызывало зависть?

Юй Цюнцзю не обращал внимания на пересуды, но Чун Цзэ не мог оставить их без ответа.

Чун Цзэ привык действовать по велению сердца. Раз уж он вырвал Юй Цюнцзю из рук самого владыки загробного мира, а сам парень оказался потомком его хозяина, в нем невольно проснулось желание защитить «своего». Эти сплетники, не имея никаких реальных талантов, были мастера сочинять небылицы.

Хм.

Если не проучить их как следует, они еще решат, что его слава как копья Чжунцзюнь — лишь пустой звук.

Вскоре многие ученики секты обнаружили, что их преследует невероятная неудача. Не говоря уже о том, что они начали падать даже во время полетов на мечях, так еще и дикие звери в лесах, и даже ездовые животные старейшин при виде их начинали яростно нападать, будто встретили кровных врагов. А раз нельзя летать, приходилось полагаться на технику передвижения или собственные ноги, но разве можно убежать от тех, кто тебя преследует?

Но больше всего их пугала невозможность использовать мечи для полета: они не понимали, что пошло не так.

Чун Цзэ тихо усмехнулся: если он, повелевающий оружием, не может справиться с этими бездушными вещами, то как они смеют называть себя выходцами из Великого Мира Уша?

Сделав дело, он растворился в тени, сохранив свое имя в тайне.

Поскольку у сплетников хватало собственных проблем, у них пропало всякое желание злословить о Юй Цюнцзю или чинить ему препятствия. Сам Юй Цюнцзю почувствовал, что жизнь стала проще, но с момента вступления в ученики он был готов к трудностям, поэтому такое изменение обстановки не вызвало у него бурных эмоций.

В глазах членов секты такое спокойствие выглядело как великая выдержка, и старейшины, которые до этого лишь наблюдали со стороны, позеленели от зависти. Такого превосходного юнца упустили прямо из-под носа — глава успел забрать его первым.

Старый конь борозды не портит!

Увидев, что всё улеглось, Чун Цзэ прикинул время: пора возвращаться. Хотя он частенько проваливался в долгий сон, в Великом Мире Уша оставались нерешенные дела. Сейчас он покажется юноше, попрощается и уйдет.

Размышляя так, Чун Цзэ спустился к Юй Цюнцзю и уже собирался окликнуть его, как вдруг заметил, что юноша поднял кольцо и нежно поцеловал его.

— Бессмертный, Цюнцзю сделал всё, как вы сказали, и вошел в Мир Культиваторов.

Почувствовав тепло губ Юй Цюнцзю на поверхности кольца, Чун Цзэ инстинктивно дернулся. Его лицо внезапно вспыхнуло, и он в мгновение ока исчез.

— Господин, господин? На арене уже ждет трехфутровая кисть Сымина. Если вы не хотите идти, позвольте мне вежливо отказаться? — Цзы Янь звала его уже несколько раз, но ответа не было. Она начала нервничать: неужели Чун Цзэ действительно связан с Конфуцианской школой и

притворяется спящим, чтобы избежать дуэли?

Но ведь Чун Цзэ сам бросил такой дерзкий вызов! Если он не придет, разве не ударит сам по себе?

— Господин? Чун Цзэ? — Цзы Янь протянула руку, чтобы растолкать его, но не успела она коснуться его одежды, как Чун Цзэ резко распахнул глаза и впился в нее тяжелым взглядом.

Опять! Это чувство вернулось!

Пот градом покатился по лбу Цзы Янь, она застыла на месте, не в силах пошевелиться.

Словно мышь перед кошкой, словно водяная змея перед настоящим драконом — страх, исходящий из самой глубины души, мгновенно поглотил ее.

Этот человек... этот Чун Цзэ... неужели он действительно лишь личное оружие некоего могущественного мастера? Если так, то насколько же силен этот мастер, чтобы укротить столь свирепое оружие?

— Что ты только что сказала? — прохладный голос Чун Цзэ разрушил сковавшее ее оцепенение.

Цзы Янь невольно вздрогнула и дрожащим голосом повторила:

— Как я и говорила ранее, трехфутовая кисть Сымина уже ждет вас на арене. Если вы еще не проснулись, может, мне сходить и перенести дуэль?

— Не нужно, — Чун Цзэ потер лицо и посмотрел на Цзы Янь. — Арена, говоришь?

Как только Цзы Янь кивнула, Чун Цзэ в мгновение ока исчез.

...Странно, почему Чун Цзэ ведет себя так необычно?

В душе Цзы Янь зародилось смутное беспокойство. Постойте, неужели она невольно отправит Сымина в печь для переплавки оружия?

Арена.

Вокруг арены разливалась пугающая жажда убийства — один лишь взгляд издалека вызывал физическую боль.

Товарищи Чун Цзэ не смогли пробиться в первые ряды и могли лишь молча ждать начала поединка на окраине. По сравнению с этим, прошлая дуэль Чун Цзэ и Цзы Янь казалась детскими играми. После того как Цзы Янь по поручению Чун Цзэ передала вызов, вся Академия Дунчи пришла в движение.

Не только первокурсники, но и студенты второго, третьего курсов и даже учителя — почти все собрались здесь.

Разве могла слава Цзы Янь сравниться с известностью Сымина в Академии Дунчи?

Однако виной всему был сам Чун Цзэ: после победы над Цзы Янь он сделал слишком дерзкое заявление, а затем Цзы Янь выдала еще десяток вызовов, один другого громче. Со стороны казалось, что это указание самого Чун Цзэ.

Сымин изначально не хотел связываться с этим младшекурсником, но многие третьекурсники, восхищаясь Чун Цзэ, с одной стороны, хотели насладиться его боевым мастерством, а с другой — жаждали, чтобы Сымин поставил его на место. Ведь если они промолчат, поползут слухи, что старшекурсники просто трусили, а это позор.

Сегодня был день дуэли. Сымин пришел заранее, полагая, что Чун Цзэ тоже должен быть здесь: все-таки он не уровня Цзы Янь, и Чун Цзэ должен был нервничать.

Но, к его удивлению, прошел почти час, а Чун Цзэ так и не появился.

Неужели он испугался и сбежал?

Сымин холодно усмехнулся: если это так, то он всего лишь пустоголовый красавец!

— Раз Чун Цзэ не пришел, мне нет смысла тратить время на эти игры, — с мрачным видом Сымин уже собирался уйти, не желая больше быть объектом всеобщего внимания.

Вдруг в небе вспыхнул свет, и прямо перед Сымином приземлилась фигура.

— Прошу прощения, задержался по делам, — Чун Цзэ сложил руки в приветствии, вышел из сияния и с улыбкой кивнул. — Прошу старшего ученика простить мою непунктуальность.

Надо признать, выходящий из света Чун Цзэ выглядел поистине притягательно. Сымин невольно прищурился, глядя на него с нескрываемым восхищением. Неудивительно, что его друзья, стоило им заговорить о Чун Цзэ, приходили в такое волнение. С точки зрения внешности, у него действительно были все основания для гордости. Да и этот его полет в луче света выглядел чисто и решительно — его нельзя было недооценивать.

В Великом Море Уша самым популярным становится не тот, кто красивее, а тот, кто сильнее. Чун Цзэ — достойный противник, и после этого боя число его поклонников наверняка удвоится.

Сымин быстро прогнал эти мысли и холодно произвел:

— Раз уж ты явился, начнем. Все уже заждались.

Чун Цзэ непринужденно рассмеялся:

— Раз я опоздал, должен сделать жест доброй воли. Давай так: ты нанесешь три удара первым, а я не буду защищаться.

Ах!

Ученики и учителя вокруг, услышав такую дерзость, невольно похолодели. Это было сделано намеренно или он просто не понимает, что творит? Звучало это как прямой вызов.

— Ты пытаешься меня разозлить? — Лицо Сымина, обычно спокойное и благородное, стало холодным как лед. — Это твоя тактика?

— Нет, — Чун Цзэ убрал улыбку, слегка покачал головой, и голос его стал ледяным. — Просто сейчас мне хочется с кем-нибудь подраться, и я не слишком спокоен. Если я не дам тебе эти три удара, боюсь, я не смогу сдержать свою силу.

— Хорошо, хорошо, хорошо! — Сымин рассмеялся от ярости, явно разозленный до предела. — Чун Цзэ, тогда не вини меня за отсутствие любезности.

— Договорились, — спокойно ответил Чун Цзэ. — Только если я выиграю, ты до конца обучения будешь выполнять мои поручения.

Так и есть!

Цзы Янь, едва успевшая подоспеть, услышав очередное заявление Чун Цзэ, скривила губы, чувствуя бессилие.

Брат, неужели человек, о котором ты говорил, действительно послан кем-то великим в наш мир, чтобы вербовать помощников? Ей казалось, что Чун Цзэ пришел сюда только ради того, чтобы нажить врагов. Не говоря уже о том, сможет ли он вообще победить, но даже в случае победы — кто захочет идти к нему после таких требований?

Конечно, нельзя было исключать и такой вероятности.

Беспокойство Цзы Янь было вполне оправданным. Однако с точки зрения Чун Цзэ, у него сейчас не было ни власти, ни положения, а раскрыть свою личность — копье Чжунцзюнь — он не мог, иначе на него набросились бы все остальные виды оружия, оспаривающие титул величайшего артефакта. К тому же он помнил, сколько врагов нажил, когда служил своим хозяевам. Его единственный путь — обладать абсолютной силой, избивать их до тех пор, пока они не признают поражение, и лишь затем играть с ними в психологические игры.

Но самой главной причиной, по которой он сейчас был не в духе, были не эти высокопарные рассуждения. Юй Цюнцзю не сделал ничего дурного, всего лишь поцеловал кольцо, но Чун Цзэ для удобства перенес свое сознание в этот артефакт. Выходило, что юноша поцеловал его прямо в лицо.

Конечно, Юй Цюнцзю ничего не знал, и сам Чун Цзэ был виноват в этой неловкости. Но на душе у него было паршиво. Он был гораздо старше Юй Цюнцзю, но в делах сердечных был полным профаном.

В конце концов, это была его вина, но признаться самому себе он не мог. Несчастный должен быть один, и этим «неудачником» стал Сымин.

Сымин, услышав условие, подумал, что Чун Цзэ ведет себя именно так, как от него и ожидали. Он уже привык к его дерзости, поэтому остался спокоен. Главное — сможет ли Чун Цзэ превзойти его в силе?

— Если победишь, я соглашусь на твое условие, — Сымин улыбнулся, но взгляд его был серьезен. Он решил не повторять ошибок Цзы Янь и сразу выложиться на полную.

Как только Сымин закончил говорить, его тело начало меняться.

У оружия, помимо человеческого облика и истинной формы артефакта, существовала и промежуточная стадия — возможность призвать часть своего тела в виде оружия. Это требовало высочайшего мастерства, и хотя первокурсники этому не обучались, это было важным критерием для выпуска.

В руках Сымина появилась трехфутовая кисть, похожая одновременно на золото и нефрит. Он сделал несколько взмахов, и в воздухе словно прошли рябь и волны, но присмотреться — и ничего не увидишь. Однако фиолетовое сияние на кончике кисти заставляло зрителей содрогаться.

— Его псевдо-оружие обладает мощностью не менее семидесяти-восьмидесяти процентов от его истинного облика, — серьезно прошептал один из третьекурсников. — Сымин и раньше был опасен, но кто бы мог подумать, что он достиг таких высот?

Хотя у Сымина было много сторонников, Чун Цзэ не уступал. Его поддерживали даже активнее, ведь он был всего лишь первокурсником, да еще и таким красивым.

— Ты еще можешь взять свои слова назад и не давать мне трех ударов, — великодушно предложил Сымин.

— ... — Чун Цзэ помолчал, тяжело вздохнул, и в его голосе прозвучало нескрываемое раздражение. Именно поэтому он так не любил этих конфуцианцев.

— Хватит болтать, будем драться или нет? — он едва сдерживал зевоту. — Быстрее.

— Хорошо. Раз ты так неблагоприятен... — Сымин не успел договорить, как его кисть резко рванулась вперед. Одной точкой в воздухе он высвободил потоки туши, которые, подобно распускающимся цветам, устремились к Чун Цзэ.

Чун Цзэ сосредоточился, легко уклонился, и капли туши, упав на землю, оставили в ней глубокие кратеры.

Зрители были поражены. Сымин лишь слегка взмахнул кистью — как он успел сжать столько духовной энергии?

Видя, что Чун Цзэ увернулся, Сымин не рассердился. Его кисть продолжала танцевать в воздухе, и вскоре огромный черный иероглиф Подавление, стремительно увеличиваясь, навис над Чун Цзэ, а вслед за ним полетели тысячи капель туши, не оставляя ни единого шанса для маневра.

Сердца зрителей замерли. Как он с этим справится?

Бум!

<http://bllate.org/book/21933/2278792>